

Хорхе-Луис Борхес

DEUTSCHES REQUIEM^{*})

Пер. с исп. Алексея Попова

*¹⁶ Немецкий реквием (нем.)

Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться.

Иов, 13, 15.

Мое имя — Отто Дитрих цур Линде. Один из моих предков, Кристоф цур Линде, пал в кавалерийской атаке, принесшей победу в Цорндорфском сражении. Прадед по матери, Ульрих Форкель, погиб в Маршенуарском лесу от пуль французских франтиреров в конце 1870 года; капитан Дитрих цур Линде, мой отец, отличился при осаде Намора в 1914 году и двумя годами позже при формировании Дуная.¹ Что же касается меня, я буду расстрелян как палач и убийца. Трибунал был справедлив; с самого начала я признал себя виновным. Завтра с девятью ударами тюремных часов я войду в смерть; естественно, что я думаю сейчас о своих предках, поскольку я столь близок к их тени, поскольку некоторым образом я являюсь ими.

В ходе процесса (краткого, к сожалению) я хранил молчание; оправдываться означало бы вносить задержку в вынесение приговора и выглядело бы трусостью. Ныне обстоятельства изменились; в ночь перед казнью я могу говорить без страха. Я ищу не прощения, но понимания. Умеющим слышать откроется история Германии и будущая судьба мира. Я знаю, что дела подобные моему, кажущиеся сегодня поразительными и необычайными, станут заурядными в весьма скором времени. Завтра я умру, но я есть символ поколений грядущего.

Я родился в Мариенбурге в 1908 году. Два страстных увлечения, ныне почти забытых, — музыка и метафизика, — позволили мне

¹ Характерно отсутствие наиболее яркого имени среди предков рассказчика — теолога и гебраиста Иоханнеса Форкеля (1799–1846), применившего диалектический метод Гегеля в Христологии, чье толкование ряда апокрифических книг удостоилось критической оценки Хенгстенберга и одобрения Тило и Геземинуса. / Примечание издателя/.

многие недобрые годы нести свое бремя с мужеством и даже с радостью. Не могу перечислить всех моих учителей, но два имени я обязан назвать: Брамс и Шопенгауэр. Не чуждался я и поэзии; к этим именам хочу прибавить имя другого германского гения - Уильяма Шекспира. Некогда я питал интерес к теологии, но от этой фантастической дисциплины (и от христианской веры) меня навсегда отвратили Шопенгауэр - четкостью аргументации, Шекспир и Брамс - бесконечным многообразием своего мира. Застывающие в изумлении пред каким-либо фрагментом¹ в творениях этих любимцев судьбы, преисполненные нежностью и признательностью, знайте, что и я застыл здесь, я, презренный.

К 1927 году в мою жизнь вошли Ницше и Шпенглер. Один писатель XVIII века замечает, что никто не желает быть чем-либо обязанным своим современникам; дабы не подпасть окончательно под влияние, чрезмерная тяжесть которого начинала ощущаться, я написал статью под названием "*Abrechnung mit Spengler*", где отметил, что черты, названные автором фаустовскими, нашли наиболее недвусмысленное воплощение не в пестротканной драме Гете¹, а в созданной двадцать веков тому назад поэме "*De legitimitate*". Тем не менее, я воздал должное философу истории, его истинно немецкому (*kerndeutsch*), военному духу. В 1929 году я вступил в ряды Партии.

Не стану задерживаться на годах учения. Для меня они складывались тяжелее, чем для многих других, не страдая нехваткой мужества, я не призван к насилию. Я осознал, однако, что мы стоим на пороге нового времени, и это время, сравнимое с первыми веками ислама или христианства, требует новых людей. У меня лично мои товарищи вызвали отвращение; я тшил доказать себе, что для объединявшей нас великой цели мы - не индивидуумы.

Теологи утверждают, что если взор Всевышнего хоть на миг отвлечется от руки, пишущей эти строки, то она канет в ничто, как если бы вспыхнув в темном пламени. Ницше бытие невозможно, говорю я, никому не дано испить глоток воды или проглотить крошку хлеба без оправдания. У каждого оправдание свое; я ждал неумолимой

¹ Другие народы пребывают в невинности, в себе и для себя, как камни и метеоры. Германия есть всемирное всепоглощающее зеркало, мировое сознание (*das Weltbewusstsein*). Гете - прообраз такого вселенского понимания. Я не сужу его, но не вижу в нем фаустовского человека, по Шпенглеру.

войны, которая послужит доказательством нашей веры. Мне было достаточно сознавать, что я буду солдатом на полях ее сражений. По-рой я страшился того, что нас обезоружит малодушие Англии и России. Слепой случай, или судьба, по иному соткал мое будущее: первого марта 1939 года в Тильзите произошли беспорядки, не нашедшие отражения в печати; на улице за синагогой две пули прошили мне ногу, которую пришлось ампутировать.¹ Через несколько дней в Богемию вошли наши войска; вой возвещавших об этом сирен застиг меня в уединенном госпитале, где я пытался забыться, зарывшись в тома Шопенгауэра. Символ моей бездарной жизни, на подоконнике дремал огромный кот-лежебока.

В первом томе "*Parerga und Paralipomena*" я перечел строки о том, что все, что может произойти с человеком с рождения до смерти, предопределено им самим. Таким образом всякое упущение является преднамеренным, всякая случайная встреча — свиданием, всякое унижение — покаянием, всякое поражение — тайной победой, всякая смерть — самоубийством. Нет утешения хитроумнее, чем мысль о том, что наши горести выбраны нами самими; такая индивидуальная телеология открывает нам некий ~~шишши~~ тайный порядок и чудесным образом смешивает нас с божеством. Что за неведомый умысел (ломал я себе голову) толкнул меня в те сумерки, навстречу тем пулям и увечью? Не страх перед войной, это я знал; нечто лежавшее глубже. В конце концов мне показалось, что я понял. Умереть за религию проще, чем жить ею; биться в Эфесе со зверями (что проделывали тысячи безвестных мучеников) легче, чем быть Павлом, рабом Иисусовым; поступок меньше всех часов жизни человека. В битве и слове нет подвижничества; Наполеон согнулся бы под бременем, взваленным на свои плечи Раскольниковым. Седьмого февраля 1941 года я был назначен замкоменданта концентрационного лагеря Тарновиц.

Должность эта особых удовольствий мне не доставляла; однако, попрекнуть в нерадивости меня было нельзя. Трус выявляется в ^{за стенками}рукопашной; милосердный, смиренный изыскует испытания и чужой болью. Нацизм по своей сути является моралью в действии, срыванием покровов с прежнего, погрязшего в пороках, человека ради облачения человека нового. В бою такая перемена происходит сплошь и рядом среди общей шумихи и криков командиров; иначе обстоит дело в мрачной

¹ По-видимому, последствия ранения были очень серьезными.

/Примечание издателя/.

камере-одиночке, где нас искушает древними ласками вероломное сострадание. Не напрасно я пишу это слово; сострадание есть смертный грех для сверхчеловека Заратустры. Я чуть было не впал в него (готов это признать), когда из Бреслау к нам перевели знаменитого поэта Давида Йерушалайма.

Ему было лет пятьдесят. Один из малых сих, изгой, отверженный и хулимый, он посвятил свой дар воспеванию счастья. Припоминается, что Альберт Зоргель в работе "*Dichtung der Zeit*" сравнивает его с Уитменом. Сравнение не из лучших; уитменовскому восхвалению вселенной свойственны приблизительность, расплывчатость, почти что безразличие; Йерушалайм радуется каждой вещи лобовно и скрупулезно. Ни разу не впадает он в каталоги, перечисления. Еще и сейчас я могу повторить многие гекзаметры из его глубокой поэмы "Цзе Ян, художник тигров", которая как бы разлинована тиграми, как бы полнится и перекрещивается полосатыми и безмолвными тиграми. Мне не забыть и монолога "Розенкранц говорит с ангелом", где лондонский ростовщик XVI века тщетно пытается на смертном одре заглазить свои прегрешенья, не подозревая, что тайное оправдание его жизни состоит в том, что одного из своих клиентов (которого он видел лишь однажды и забыл) он вдохновил на образ Шейлока. Обладавший внешностью типичного еврея-сефарда, с желтоватой кожей, почти черной бородой и запоминающимися глазами, Давид Йерушалайм тем не менее был соплеменником растленных и ненавистных ашкенази. Я был с ним строг; ни мое сочувствие, ни его слава не могли смягчить меня, я этого себе не позволял. Давным-давно я осознал, что нет в мире ничего, что бы не несло в себе зародыша Ада; лицо, слово, компас, реклама сигарет могут свести человека с ума, если ему не удастся забыть их. Разве не безумцем был бы тот, в чьем мозгу беспрестанно рисовалась бы карта Венгрии. Я решил применить данный принцип в дисциплинарном уставе нашего заведения и ¹... В конце 1942 года Йерушалайм утратил рассудок, первого марта 1943 года ему удалось покончить с собой.

¹ В этом месте неизбежно пришлось опустить несколько строк.
/Примечание издателя/.

² Ни в архивах, ни в труде Зоргеля фамилия Йерушалайм не упоминается. Не фигурирует она также в историях немецкой литературы. Не думаю, однако, что речь идет о вымышленной личности. По приказу Отто Дитриха цур Линде в Тарновице были замучены многие еврей-интеллигенты, в числе которых пианистка Эмма Розенцвейг. Возможно, что "Давид Йерушалайм" символизирует собою различных

Не знаю, понял ли Иерусалаим, что если его уничтожил я, то ради уничтожения моего чувства сострадания. В моих глазах он не был человеком, даже не был евреем; он превратился в символ ненавистной области моей души. Вместе с ним я агонизировал, вместе с ним я умирал, в некотором смысле вместе с ним меня не стало; поэтому я не знал пощады.

Тем временем над нами витали великие дни и великие ночи счастливой войны. Мы вдыхали воздух, в котором было нечто, напоминавшее любовь. Кровь волновалась и щемило сердце, словно вдруг неподалеку слышался шум прибоя. В те годы все было особенным; даже вкус сна. (Я никогда, быть может, не был до конца счастлив, но, как известно, нет горя без райских куц за спиной). Нет человека, который не стремился бы к полноте, иными словами, к совокупности переживаний, на которые он способен; нет человека, который не боялся бы, что его обделят и он не унаследует какой-то части этого безмерного достояния. Но мое поколение вкусило ото всего, ибо сначала на его долю выпала победа, а потом поражение.

В октябре или ноябре 1942 года мой брат Фридрих пал в египетских песках во втором сражении при Эль-Аламейне; несколькими месяцами позже одна из бомбежек превратила в руины наш отчий дом; во время другого воздушного налета, в конце 1943 года, погибла моя лаборатория. Загнанный огромными материками, умирал Третий Рейх; его рука была против всех, и руки всех против него. Тогда и произошло нечто странное, что, как мне кажется, теперь я понял. Я считал себя способным испить до дна чашу гнева, но осадок захватил меня врасплох таинственным и почти ужасным вкусом счастья. Я перебирал различные объяснения, ни одно меня не удовлетворило. Я мыслил: Поражение меня устраивает, ибо в глубине души я знаю, что я виновен, и вину мою может искупить лишь наказание. Я мыслил: Поражение меня устраивает, потому что это конец, а я очень устал. Я мыслил: Поражение меня устраивает, потому что оно свершилось, потому что бесчисленными нитями оно связано со всем, что было, есть и будет, ибо скорбеть или негодовать по поводу лишь одного факта означает возводить хулу на мироздание. Я тасовал эти аргументы, пока не нашел истинный.

индивидуумов. Нам сообщается, что он умер первого марта 1943 года; первого марта 1939 года рассказчик был ранен в Тильзите.

/Примечание издателя/.

Сказано, что все люди рождаются аристотеликами или платониками. Это равносильно утверждению, что не бывает спора на отвлеченную тему, который не фигурировал бы в полемике Аристотеля и Платона; сквозь века и широты изменяются имена, диалекты, лица, но не извечные антагонисты. История народов также фиксирует некую тайную неразрывность. Арминий, устраивая в болотах бойню легионам Вара, не ведал, что является провозвестником Германской Империи; Лютер, переводчик Библии, не подозревал, что его цель состояла в том, чтобы выковать народ, который навсегда покончит с Библией: Кристоф цур Линде, убитый русской пулей в 1758 году, в определенном смысле подготовил победы 1914 года; Гитлер веровал, что воет за одну страну, ~~на~~ но он сражался за все, даже за те страны, на которые он напал и которые ненавидел. Независимо, что этого не ведало его "я", это знали его кровь, его воля. Мир погибал от еврейства и от той еврейской болезни, что зовется верой в Иисуса; мы обучили его насилию и религии меча. От этого меча мы гибнем, и нас можно сравнить с чародеем, строящим ~~или~~ лабиринт и обнаруживающим, что он обречен на блуждание в нем до конца своих дней, или с Давидом, приговаривающим представшего пред его судом неизвестного к смерти и слышащим затем откровение: "Ты - это он". Построение нового порядка обрекает на разрушение многие вещи; ныне мы знаем, что одной из них была Германия. Мы отдали больше, чем жизнь, мы отдали судьбу нашего любимого Отечества. Пусть одни сеют проклятия, а другие ~~или~~ плач; я радуюсь тому, что наше деяние замкнуто на себе и безупречно.

На мир сейчас надвигается не знающая жалости эпоха. Мы ее куем, мы - уже ставшие ее жертвой. Какое имеет значение, что Англия - молот, а мы - наковальня? Важно то, что царит насилие, а не холуйская христианская мягкотелость. Если победа и несправедливость и счастье не для Германии, да получают их другие народы. Пусть существует небо, даже если нам уготован ад.

Я гляжу на свое лицо в зеркале, чтобы знать, кто я, чтобы знать, как я буду вести себя через несколько часов, когда ступлю на край бездны. Моя плоть может страдиться; я - нет.